

БЛИН.

Это было давно. Это было месяца четыре назад.

Сидели мы в душистую южную ночь на берегу Арно.

То есть сидели-то мы не на берегу, -- где же там сидеть: сыро и грязно, да и неприлично, -- а сидели мы на балконе отеля, но уж так принято говорить для поэтичности.

Компания была смешанная -- русско-итальянская.

Так как между нами не было ни чересчур близких друзей, ни родственников, то говорили мы друг другу вещи исключительно приятные.

В особенности в смысле международных отношений.

Мы, русские, восторгались Италией. итальянцы высказывали твердую, ничем несокрушимую уверенность, что Россия также прекрасна. Они кричали, что итальянцы ненавидят солнце и совсем не переносят жары, что они обожают мороз и с детства мечтают о снеге.

В конце концов мы так убедили друг друга в достоинствах наших родин, что уже не в состоянии были вести беседу с прежним пафосом.

-- Да, конечно, Италия прекрасна, -- задумались итальянцы.

-- А ведь мороз, -- он... того. Имеет за собой... -- сказали и мы друг другу.

И сразу сплотились и почувствовали, что итальянцы немножко со своей Италией зазнались и пора показать им их настоящее место.

Они тоже стали как-то перешептываться.

-- У вас очень много шипящих букв, -- сказал вдруг один из них. -- У нас язык для произношения очень легкий. А у вас все свистят да шипят.

-- Да, -- холодно отвечали мы. -- Это происходит от того, что у нас очень богатый язык. В нашем языке находятся все существующие в мире звуки. Само собой разумеется, что при этом приходится иногда и присвистнуть.

-- А разве у вас есть "ти-эч", как у англичан? -- усомнился один из итальянцев. -- Я не слышал.

-- Конечно, есть. Мало ли что вы не слышали. Не можем же мы каждую минуту "ти-эч" произносить. У нас и без того столько звуков.

-- У нас в азбуке шестьдесят четыре буквы, -- ухнула я.

Итальянцы несколько минут молча смотрели на меня, а я встала и, повернувшись к ним спиной, стала разглядывать луну. Так было спокойнее. Да и к тому же каждый имеет право созидать славу своей родины, как умеет.

Помолчали.

-- Вот приезжайте к нам ранней весной, -- сказали итальянцы, -- когда все цветет. У вас еще снег лежит в конце февраля, а у нас какая красота!

-- Ну, в феврале у нас тоже хорошо. У нас в феврале масленица.

-- Масленица. Блины едим.

-- А что же это такое блины?

Мы переглянулись. Ну, как этим шарманщикам объяснить, что такое блин!

-- Блин, это очень вкусно, -- объяснила я. Но они не поняли.

-- С маслом, -- сказала я еще точнее.

-- Со сметаной, -- вставил русский из нашей компании.

Но вышло еще хуже. Они и блина себе не уяснили, да еще вдобавок и сметану не поняли.

-- Блины, это -- когда масленица! -- толково сказала одна из наших дам.

-- Блины... в них главное икра, -- объяснила другая.

-- Это рыба! -- догадался, наконец, один из итальянцев.

-- Какая же рыба, когда их пекут! -- рассмеялась дама.

-- А разве рыбу не пекут?

-- Пекут-то пекут, да у рыбы совсем другое тело. Рыбное тело. А у блина- мучное.

-- Со сметаной, -- опять вставил русский.

-- Блинов очень много едят, -- продолжала дама. -- Съедят штук двадцать. Потом хворают.

-- Ядовитые? -- спросили итальянцы и сделали круглые глаза. -- Из растительного царства?

-- Нет, из муки. Мука ведь не растет? Мука в лавке.

Мы замолчали и чувствовали, как между нами и милыми итальянцами, полчаса назад восторгавшимися нашей родиной, легла глубокая, темная пропасть взаимного недоверия и непонимания.

Они переглянулись, перешепнулись. Жутко стало.

-- Знаете, что, господа, -- нехорошо у нас как-то насчет блинов выходит. Они нас за каких-то вралей считают.

Положение было не из приятных.

Но между нами был человек основательный, серьезный -- учитель математики. Он посмотрел строго на нас, строго на итальянцев и сказал отчетливо и внятно:

-- Сейчас я возьму на себя честь объяснить вам, что такое блин. Для получения этого последнего берется окружность в три вершка в диаметре. Пи-эр квадрат заполняется массой из муки с молоком и дрожжами. Затем все это сооружение подвергается медленному действию огня, отделенного от него железной средой. Чтобы сделать влияние огня на пи-эр квадрат менее интенсивным, железная среда покрывается олеиновыми и стеариновыми кислотами, т. е. так называемым маслом. Полученная путем нагревания компактная тягуче-упругая смесь вводится затем через пищевод в организм человека, что в большом количестве вредно.

Учитель замолчал и окинул всех торжествующим взглядом.

Итальянцы пошептались и спросили робко:

-- А с какою целью вы все это делаете?

Учитель вскинул брови, удивляясь вопросу, и ответил строго:

-- Чтобы весело было!